

О.Б. Степанова

СТОЙБИЩЕ ВЕРХНЕТАЗОВСКИХ СЕЛЬКУПОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Данная публикация подготовлена по материалам трех экспедиций автора в Красноселькупский район Ямало-Ненецкого округа Тюменской области (2004, 2005 и 2008 гг.). Стойбища, лесные хозяйства, родовые угодья или просто «чумы» тазовских селькупов разбросаны по берегам рек и озер бассейна Таза и летом доступны лишь частным речным транспортом, что для этнографа означает — труднодоступны. По данным отдела по развитию агропромышленного комплекса и делам малочисленных народов Севера Красноселькупского района, в 2007 г. в районе насчитывалось 37 частных лесных хозяйств. В ходе трех экспедиций нам удалось посетить три из них.

Надо заметить, что селькупы редко используют слово «стойбище», как правило, они заменяют его словом «лес»: «в лесу сидит», «в лес уехал», имея в виду именно чье-то лесное хозяйство. Не менее часто слово «стойбище» замещается понятием «дом» в смысле «домашний очаг». Название есть далеко не у всех лесных хозяйств, определителем стойбища чаще всего служит имя или прозвище одного из его хозяев, того, кто стойбище «держит», живет там постоянно, следит за порядком, под чью опеку приезжают и поселяются одна-две молодых семьи, тогда говорят: «у Никандра», или «у Еврея», «к Соплям», «у Верблюдов», «где такой-то живет».

Феномен современного селькупского стойбища состоит в том, что оно сохранило все главные особенности традиционного селькупского поселения, соответствовавшего полукочевому образу жизни, который селькупы вели до середины XX в. В то время каждая селькупская семья, как правило, имела по три сезонных места стоянки. Первое находилось на берегу мелкой речушки или озера, где они рыбачили, промышляли дичь и белковали весной, осенью и два первых зимних месяца. Оно счи-

талось постоянным местом жительства семьи и было наиболее обустроено: здесь ставили чум, строили полуземлянку или избушку, олений сарай и хозяйственные амбары.

Второе место — на берегах более крупных рек, куда спускались в июне для неводьбы, жилищем здесь служили шалаши из гнутых тальниковых веток, покрытых берестой или травой. И третье — в районе зимнего (с февраля по апрель) охотничьего промысла («большой дороги»), часто за сотни километров от мест постоянного проживания. Эта стоянка тоже считалась стойбищем, здесь имелось теплое зимнее жилище и нередко хозяйственные постройки, но первое стойбище все же было более основательным.

Советская власть, внося в жизнь малочисленных коренных народов Севера ряд новаций (мы имеем в виду попытку перевода кочевых народов на оседлость, создание системы интернатского обучения детей, промышленное освоение районов Севера и связанное с ним основание крупных русскоязычных поселков, манящих жителей тайги и тундры пагубными для них соблазнами цивилизации), пошатнула основы кочевого образа жизни селькупов. Но она же, объединив множество бедняцких селькупских хозяйств, создала здесь колхозы, а затем совхозы, которые получили промысловую хозяйственную направленность, сохранив два основных, исконно селькупских вида промысла — охоту и рыболовство. Значительная часть селькупов, работая в совхозах, продолжала жить в лесу на стойбищах. Они рыбачили и охотились, как и раньше, — и на ближних, и на дальних промысловых угодьях, сдавая продукцию в заготконторы совхозов. Государство, несмотря на неизбежную убыточность традиционных отраслей хозяйства народностей Севера, не жалея средств, их дотировало. Благодаря этому северные селькупы продолжали вести традиционный образ жизни, что, как мы считаем, помогло им сохранить культурную самобытность и этническое самосознание.

Тяжелейший удар традиционному образу жизни селькупов был нанесен после развала Советского государства, в период экономического кризиса 90-х годов прошлого столетия. Промысловые отрасли лишились поддержки государства, дотирование прекратилось, совхозы развалились. Селькупы, проживающие на угодьях, остались без промысловых заработков и средств к существованию. Многие семьи забросили кочевой образ жизни и осели в поселке, где проявили полную неспособность к каким бы то ни было трудовым занятиям, не связанным с традиционными промыслами. Конечно, существовала и противоположная тенденция: при скудости денежных доходов с появлением продовольственной проблемы некоторые коренные жители вернулись к натураль-

ному хозяйству, к тем же охоте и рыболовству. И все же доля селькупов, ведущих традиционный кочевой образ жизни, в эти годы значительно сократилась. В 1997 г. из 1532 представителей малочисленных народов Севера в Красноселькупском районе лишь 65 имело статус кочующих (данные отдела по делам народов Севера Администрации МО Красноселькупский район). Уход от традиционного образа жизни породил в среде селькупов такое количество тяжелых проблем, что в районе пошли разговоры о скорой гибели народа не только как самостоятельно-го этноса, но и в физическом смысле [Пяк 2003 № 33: 5].

С начала 2000-х годов у некоторых субъектов Российской Федерации появилась возможность восстановить систему финансовой помощи малочисленным народам Севера. Для тазовских селькупов спасительную роль сыграла административная принадлежность их района к Ямало-Ненецкому автономному округу, получающему немалые доходы от разработки своих недр, богатых углеводородным сырьем. Государственный курс на воссоздание продуктивной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, нарушенной в ходе рыночных реформ, и перевод на присущий им в прошлом кочевой образ жизни получили финансовую поддержку. Мы не хотим сказать, что эта помощь текла, как из рога изобилия. Наоборот, она была явно недостаточной, проблемы решались с трудом, но она была, и результатом стал устойчивый рост всех показателей национального хозяйства района.

Государство воссоздало и опять дотирует бывшие промысловые совхозы района. Теперь это агрофирмы и общества с ограниченной ответственностью, которые в обиходной речи продолжают называть совхозами. Эти предприятия дали работу и заработок рыбакам-охотникам, кочующее население получает губернаторское («нееловское») денежное пособие, периодически обеспечивается средствами транспорта, бензином, брезентом, ружьями, сетями, печками, электростанциями, радиостанциями, продуктами, пользуется многочисленными льготами. В районе увеличивается число жителей, имеющих статус «кочевых». В 2003 г. таковых было 244 чел. (без детей). В 2007 г. статус «кочевых», т.е. работающих на промысловых предприятиях района, имело 275 чел., а более 400 чел. фактически вели кочевой образ жизни (данные отдела по развитию агропромышленного комплекса и делам малочисленных народов Севера Красноселькупского района). Растет количество стойбищ и численность домашних оленей.

Мы еще не успели сказать, что традиционный образ жизни северных селькупов неразрывно связан с оленеводством и целиком зависит от него. По характеру селькупское оленеводство определяется как транспортное,

мелкостадное (10–40 оленей на семью) и нартенное. Олень — основное транспортное средство селькупов. На нем совершают перекочевки, перевозят продукцию промыслов в заготконторы совхозов, ездят в поселок за покупками, на почту, в больницу, к родственникам, участвуют в соревнованиях на празднике День оленевода. В 1991 г. поголовье оленей в личных хозяйствах района насчитывало 1000 голов [Бакулин 2000:187]. В планах по развитию хозяйственной сферы района присутствовал пункт об увеличении числа оленей в частных хозяйствах. К 1998 г. поголовье оленей в личных хозяйствах свелось к нулю [Там же]. По словам информантов, «олений съели или сдали на мясо в рыбокооп и деньги пропили».

Между тем в настоящее время происходит восстановление численности домашних оленей. В с. Ратта, например, частных оленей уже более 300. Оленей на мясо не забивают, их берегут. Все 37 частных лесных хозяйств района — эту цифру мы приводили выше — имеют оленей (данные отдела по развитию агропромышленного комплекса и делам малочисленных народов Севера Красноселькупского района на 2007 г.). И это только учтенные хозяйства! Мы имеем основания думать, что существует немало неучтенных, незарегистрированных в органах власти района, спонтанно возрожденных хозяйств.

Итак, традиционное селькупское стойбище — исключительное явление современной жизни и фактор сохранения этноса северных селькупов. А теперь подробнее о том, что представляет собой современное / традиционное селькупское стойбище, а точнее стойбище верхнетазовских селькупов, ибо мы побывали в трех стойбищах близ национально-госелка Ратта, расположенного в верховьях р. Таз.

Первое лесное угодье (№ 1), которое мы посетили в августе 2004 г., — стойбище «на Налимьих», как нам его назвал глава администрации с. Ратта. Однако от других мы не слышали такого названия, это лесное угодье чаще называли «где Сопли живут», по прозвищу, видимо, его главных или постоянных «держателей» Г.Н. Куболева и его жены. Нам не повезло застать дома всех хозяев. Их, судя по шести жилым постройкам и одной палатке, должно быть не менее семи семей. На момент нашего посещения здесь находилась лишь молодая семья с маленьким ребенком, которая в ближайшем чернолесье занималась изготовлением ветки (лодки-долбленки), да два молодых человека, врачующих больных конъюнктивитом оленей (засыпали им в глаза сахарный песок).

Дело в том, что, хотя для лесных селькупов, особенно для отделившейся от родителей молодежи, жилищная проблема и стоит очень остро, всем им есть где остановиться в поселке — в своем доме или у родственников. Большая часть населения стойбища могла отсутство-

вать также потому, что август — время самой продуктивной рыбалки на «своих» для каждой семьи местах. Случается даже, что стойбище полностью пустеет, и тогда кто-то, чьи олени там остались без присмотра, едет туда из деревни специально, чтобы развести дымокуры.

Как уже было сказано, стойбище насчитывало шесть домов, одну палатку, два неразобранных остова чума, олений сарай, в котором помещалось до 40 оленей, а также амбары, хозяйственные навесы и несколько старых полуразвалившихся строений. Это самое большое из осмотренных нами стойбищ.

Второе стойбище (№ 2), в котором мы побывали в 2005 г., только что возродилось на месте заброшенного около 20 лет назад. В двух свежесрубленных избушках, чуме и палатке проживали три семьи и один неженатый молодой человек. Из хозяйственных построек имелись два свайных амбара, навес и олений сарай, в котором содержалось 30–40 оленей (вопрос о том, сколько оленей кому принадлежит, у селькупов считается неприличным).

В 2008 г. мы посетили летнее стойбище (№ 3) Никандра Ивановича Ирикова (по прозвищу Еврей) и его жены Елены Иосифовны. В его владении находятся два дома (один из них гостевой), олений сарай, хозяйственные постройки, 30–35 оленей и семь собак. В 2–3 км от этого стойбища Никандр Иванович имеет еще и зимнее угодье, обустроенное более основательно. Он также владеет двумя домами в поселке Ратта («еврейская автономия»), которые сдает в наем. В прошлом стойбище № 3 было более населенным, о чем безмолвно свидетельствует поляна с несколькими заброшенными, полуразвалившимися строениями. Как нам сказал его нынешний хозяин, кто-то ушел в мир иной, а кто-то уехал и основал собственное стойбище.

Все три стойбища расположены на берегах реки Таз. Каждое из них стоит на «горе» — высоком сухом яру, начинающемся в 100–150 м от берега. С реки место стойбища можно определить по лодкам двух видов: веткам (долбленкам) и лодкам с дюралевым корпусом, на который устанавливается мотор. Все они лежат на берегу или причалены к берегу (рис. 1). Опознать место можно и по маленькому бревенчатому сараю, где хранятся рыболовные снасти: сети, колья для запора и т.д. Сарай этот стоит у самого берега и, как правило, виден с воды.

Два стойбища (№ 1 и 3) устроены на очищенном от леса пространстве площадью около 1000 м² (рис. 2, 3). Чтобы это пространство не зарастало, его пропалывают — вырывают появляющиеся молодые побеги деревьев. Третье стойбище (№ 2) находится среди редкого высокого соснового бора.

Рис. 1. Лодки у стойбища № 3. Река Таз. 2008 г. Фото автора

Рис. 2. Вид стойбища № 1. Река Таз. 2004 г. Фото автора

Рис. 3. Вид стойбища № 3. Река Таз. 2008 г. Фото автора

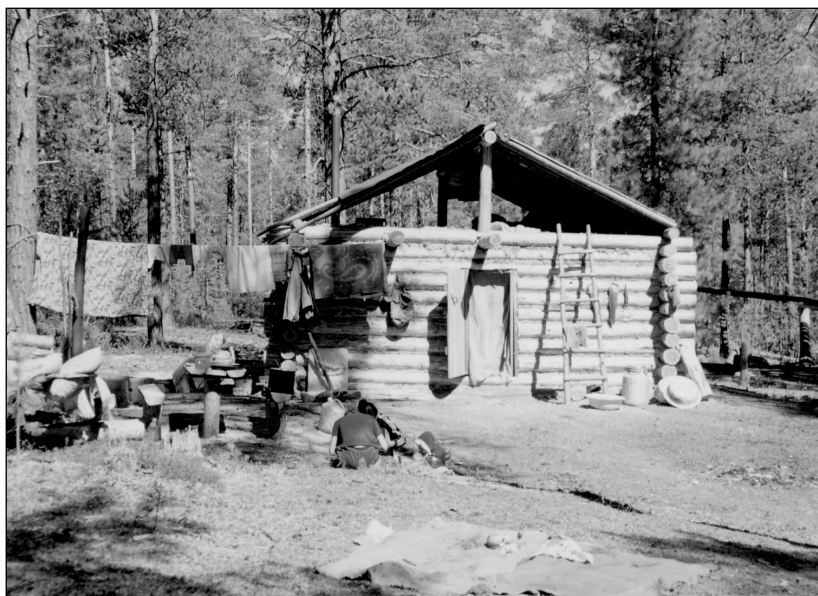

Рис. 4. Жилая срубная постройка с двускатной крышей на коньковом стояке на стойбище № 2. Река Таз. 2005 г. Фото автора

Рис. 5. Жилая срубная постройка с двускатной крышей на коньковом стояке на стойбище № 1. Река Таз. 2004 г. Фото автора

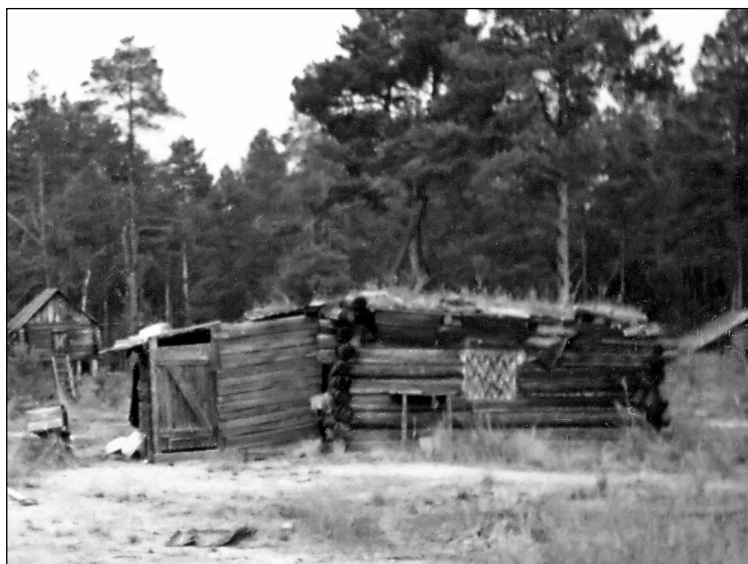

Рис. 6. Жилая срубная постройка с односкатной крышей, покрытой дерном, на стойбище № 1. Река Таз. 2004 г. Фото автора

Рис. 7. Жилая срубная постройка с односкатной крышей, покрытой рубероидом, на стойбище № 3. Река Таз. 2008 г. Фото автора

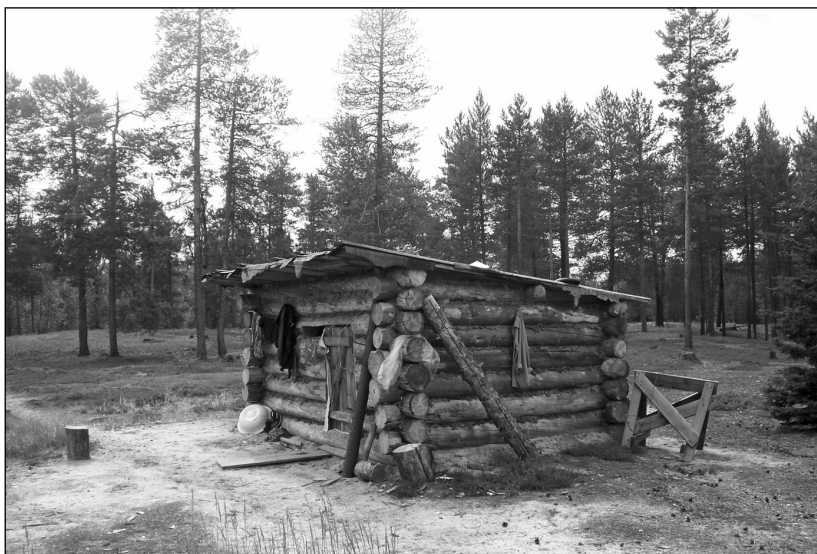

Рис. 8. Жилая срубная постройка («домик для гостей») с односкатной крышей, покрытой рубероидом, на стойбище № 3. Река Таз. 2008 г. Фото автора

Рис. 9. Уличная железная печь для приготовления пищи в летнее время.
Стойбище № 2. Река Таз. 2005 г. Фото автора

Рис. 10. Железная печь под навесом — вариант летней кухни на стойбище № 1. Река Таз. 2004 г. Фото автора

Преобладающим типом жилища лесных селькупов на стойбищах являются срубные постройки. Сравнив конструкции обнаруженных нами на стойбищах десяти срубных домов с аналогичными постройками обских угров, изученными З.П. Соколовой [1963], мы с уверенностью относим их к традиционному типу. Они отличаются от домов, строящихся в национальных поселках по проектам районной администрации (хотя и в поселках нередко традиционные жилища). Самым распространенным (семь домов) оказался сруб с двускатной крышей на коньковом стояке (рис. 4).

У такого типа крыши коньковая балка лежит на двух невысоких бревешках (коньковых стояках), поставленных вертикально в двух концах сруба в его фронтовой части. Поверх стропил настилается рубероид, который придавливается бревнами (до пяти бревен на каждый скат). Фронтоны остаются полностью открытыми или зашиваются доской с одной стороны. Пол хорошо проветриваемого чердака служит потолком жилой комнаты. В комнате устраиваются нары, полки для вещей, под одним из окон (окно может быть всего одно) укрепляется столик для еды, для сидения используются чурбаны и скамьи. Очаг — железная печка типа буржуйки — устанавливается по центру комнаты или справа от входа. Пол комнаты, как правило, оставляют земляным. К трем из семи подобных срубов пристроены сени из досок или жердей с односкатной крышей на слегах. В сенях зимой хранят дрова, оставляют лыжи. Коньковый стояк крыши такого дома может быть совсем коротким, тогда крыша получается пологой, и чердак как таковой отсутствует (рис. 5).

Три из десяти жилых срубов имеют другой тип крыши — односкатную крышу с очень небольшим углом ската (рис. 6, 7, 8). Такая почти плоская крыша представляет собой накат из бревен или жердей, который покоится на верхних бревнах сруба. У двух срубов поверх наката уложен рубероид, придавленный бревнами или досками, у третьего накат покрыт дерном. Пристройкой к двум срубам (рис. 6, 7) служат сени из досок и жердей с такой же односкатной крышей.

Высоту всех десяти срубов большой назвать нельзя, они уложены в шесть-одиннадцать венцов, расстояние от пола до крыши составляет от 2 до 3 м. Размеры срубов тоже очень невелики и варьируют от 2 × 2 до 4 × 6 м. Местные жители жилые срубы называют избушками.

Летом рядом с каждым жилым домом есть железная печка типа буржуйки для приготовления еды. Она устанавливается на кирпичах, бревнах или обложена кирпичами с боков, обмазана глиной и наполовину закопана в землю. Нередко над печкой устраивается навес, а вокруг нее — ограждение из жердей или досок (рис. 9, 10). Дополнением к такой уличной печке обычно служит костер. На стойбище № 3 над костром

и дымокуром был сделан навес с ограждением размером около 2×3 м (рис. 11). На костре при нас хозяйка готовила уху, вытапливала на зиму из рыбы жир, кипятила чайник, варила еду собакам, а в дыму костра и дымокура коптилась юкола (*пирня*). Разделочные столики и стулья здесь заменялись чурбанами, тут же лежали дрова.

Жилой чум, покрытый брезентом (рис. 12), мы видели только на одном стойбище (№ 2). В нем жила семья с маленьким ребенком, глава которой был довольно почтенного возраста. На двух других стойбищах стояли лишь остовы чумов (рис. 13). Это не значит, что чум продолжает выходить у селькупов из употребления. Со слов информантов, есть стойбища, где стоят по два, три, четыре чума, где чум является основным типом жилища.

Третьим типом жилища на стойбищах № 1 и 2 неожиданно для нас оказалась брезентовая палатка (рис. 14). Такие палатки раньше выдавали пастухам совхозных оленьих стад. Возможно, что так они попали и в современный обиход.

Широко известная селькупская полуземлянка *пой мот* ни на одном из стойбищ не присутствовала, хотя, по рассказам местных жителей, этот тип жилища по сей день существует на лесных урочищах.

Для селькупских хозяйств среднего и верхнего Таза характерен способ содержания оленей в сараях *отай мот*. Их также называют оленьими домами и теньвыми навесами (рис. 15, 16). Такие сараи есть сегодня на каждом стойбище, так как везде содержатся олени. Сараи строят из бревен, жердей или досок, листов железа, фанеры, рубероида — из всего, что найдется в хозяйстве. Они имеют двускатную (на слегах или на стропилах и слегах) крышу, крытую жердями, досками, рубероидом или брезентом. Роль дверей (в обеих торцевых стенках) исполняют полотнища из брезента, которые открывают-закрывают, чтобы выпустить-впустить оленей или проветрить сарай. Внутри сарая за ограждением из жердей расположен дымокур. Олени спасаются в сарае, когда их заедает мошка, в остальное время они пасутся вокруг стойбища, поедая ягель. Для оленей на территории стойбища устраиваются еще три-четыре дымокура, огороженные жердями.

На всех осмотренных стойбищах присутствовали традиционные селькупские свайные амбары *кор* (рис. 17, 18, 19). Амбар *кор* представляет собой срубную, бревенчатую или дощатую постройку (размером $1,5 \times 1,5$ или 2×2 м) с двускатной (на слегах или стропилах и коньковым стояке) или односкатной крышей, установленную на четыре врытых в землю толстых бревна или на спиленные деревья. Такую конструкцию амбара селькупы объясняют необходимостью защиты от грызунов.

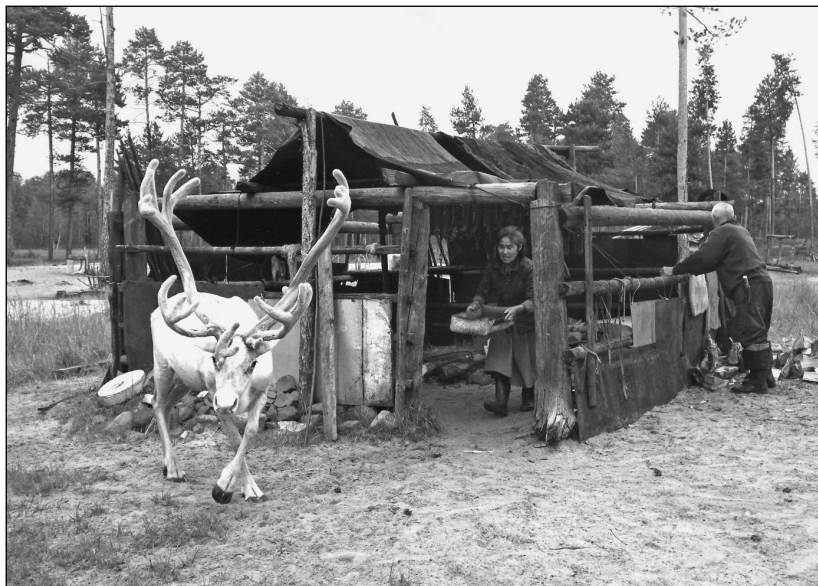

Рис. 11. Летняя кухня на стойбище № 3. Река Таз. 2008 г. Фото автора

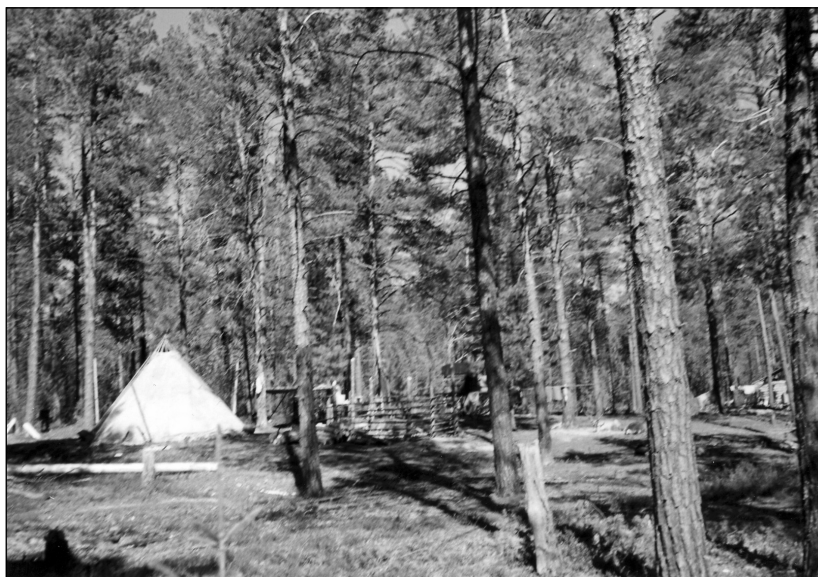

Рис. 12. Чум, крытый брезентом. Стойбище № 2. Река Таз. 2005 г. Фото автора

Рис. 13. Остов чума. Стойбище № 1. Река Таз. 2004 г. Фото автора

Рис. 14. Брезентовая палатка. Стойбище № 1. Река Таз. 2004 г. Фото автора

Рис. 15. Олений сарай на стойбище № 3. Река Таз. 2008 г. Фото автора

Рис. 16. Олений сарай на стойбище № 2. Река Таз. 2005 г. Фото автора

Рис. 17. Свайный амбар с двускатной крышей на слегах.
Стойбище № 1. Река Таз. 2004 г. Фото автора

Рис. 18. Свайный амбар с двускатной крышей на коньковом стояке.
Стойбище № 2. Река Таз. 2005 г. Фото автора

Рис. 19. Свайный амбар с односкатной крышей и бывший олений сарай.
Стойбище № 1. Река Таз. 2004 г. Фото автора

Рис. 20. Навес для хранения вещей. Стойбище № 2.
Река Таз. 2005 г. Фото автора

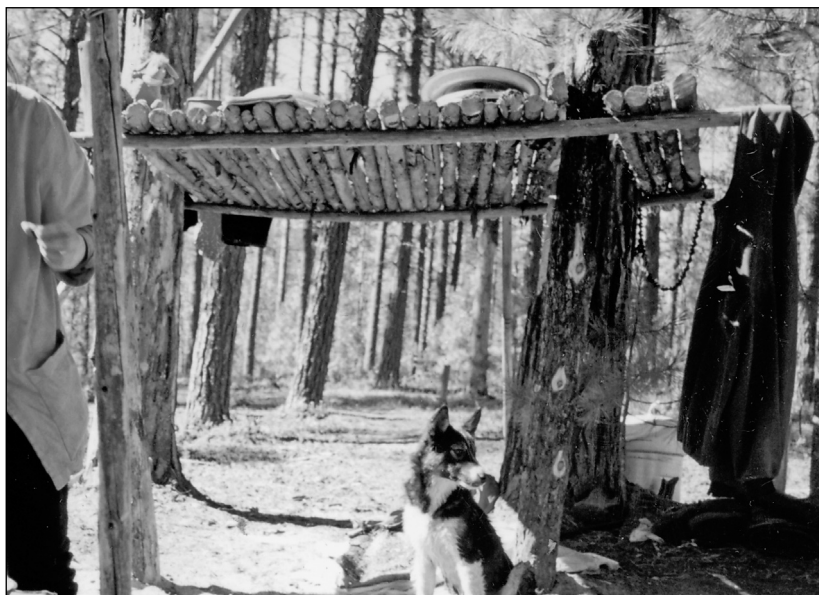

Рис. 21. Помост для хранения продуктов. Стойбище № 2.
Река Таз. 2005 г. Фото автора

К двери амбара приставлена лестница — обычная с перекладинами или в виде бревна с зарубками на месте ступеней. Внутри амбара подвешенной к потолку хранится зимняя одежда хозяев, на полу стоят мешки с продовольственными запасами. Под полом амбара, образующим своеобразный навес, летом стоят нарты.

Помимо амбаров нарты, туки с имуществом, зимняя одежда хранятся под навесами на четырех опорах (рис. 20). Для хранения продуктовых запасов устраиваются помосты между деревьями (рис. 21).

Итак, современное стойбище сохраняет основные черты традиционного селькупского быта. Лучше всего это демонстрируют традиционные жилые и хозяйственные постройки, а также множество других стойбищных атрибутов, рассказать о которых подробно в рамках данной публикации мы не имеем возможности. Перечислим лишь некоторые. Это олени и нарты, собаки, берестяная посуда, колоды для подкормки оленей, ветки (лодки-долбленки — их до сих пор изготавливают с помощью традиционных инструментов, в том числе лучкового сверла и деревянных гвоздей *типы*). Добавим и селькупскую национальную пищу (хлеб-лепешка, юкола, рыбий жир). Назовем также приспособление в виде палки с суком на конце (*чито*) для подвешивания над костром чайника или котла, под углом втыкаемое в землю. Вспомним и ловушки-пасти на глухарей, которые устанавливают совсем близко от жилых домов. Одежда (сокуи, малицы и бокари) по-прежнему хранится под крышами свайных амбаров. Берестяные свертки с костями медведей подвешивают к ветвям высоких сосен на краю стойбища (такой способ захоронения медвежьих костей — традиция, и соблюдается она неукоснительно).

Вместе с тем вошли в жизнь селькупского стойбища и новации: моторные лодки, брезент и брезентовые палатки, рубероид, шесты для радиоантенны (№ 2 и № 3); туалеты в виде дощатых будок (№ 1); бани (№ 3); небольшие огороды, засаженные картошкой, которую на стойбищах стали сажать в голодные 1990-е годы (№ 1). В лесной жизни приживается все, что удобно и доступно. И, вероятнее всего, в этом сочетании традиционного и современного и состоит феномен современного селькупского стойбища.

Библиография

Бакулин В.В. Экономика и традиционное хозяйство // В краю селькупов. Екатеринбург, 2000. С. 179–195

Пяк М. Решение насущных проблем // Северный край. 2004. № 33.

Соколова З.П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // ТИЭ. Новая сер. Т. 84. М., 1963. С. 182–233.